ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. А. ГОНЧАРОВА О БЕЛИНСКОМ

письма гончарова к к. д. кавелину и а. н. пыпину

Публикация М. Маловой

В 1873 г. А. Н. Пыпин обратился ко всем лицам, близко знавшим Белинского, с просьбой предоставить ему свои воспоминания о жизни и деятельности великого критика. В предисловии к своей книге «Белинский, его жизнь и переписка» (СПб., 1876, стр. VII) Пыпин назвал всех современников Белинского, которые «содействовали» его труду сообщением своих воспоминаний. В числе этих лиц имя И. А. Гончарова не было названо.

Между тем Гончаров одним из первых откликнулся на просьбу Пыпина. 29 апреля 1873 г. он послал ему в форме письма статью под названием «Как я понимаю личность Белинского» ¹. При этом Гончаров писал своему корреспонденту: «По обещанию, на которое я вызвался после случайного разговора с Вами о Белинском, многоуважаемый Александр Николаевич, я набросал на бумаге все, что упомнил о нем и как я понимал его лично. Полагаю, что по скудости фактов и по поверхностности моих замечаний о нем, листки эти самостоятельного значения не имеют — и разве только могут служить материалом для биографии Белинского (в числе других) и для поверки моего мнения о нем с мнением других».

В мае того же года Гончаров читал свою статью у М. М. Стасюлевича в присутствии Пыпина, который высоко оценил ее и выразил желание использовать в своей монографии о Белинском. Однако Пыпин не получил этой возможности, так как Гончаров, относясь сочувственно к самой идее использования своих заметок в печати, медлил с окончательным согласием. Между Гончаровым и Пыпиным завязалась деятельная переписка, продолжавшаяся три года (с 29 апреля 1873 г. по 5 апреля 1876 г.) ². С присущими ему болезненной нерешительностью и мнительностью Гончаров все время сомневался в пригодности своих воспоминаний для опубликования. Сначала ему казалось, что они литературно недоработаны, затем — что они не представляют интереса для характеристики Белинского, так как якобы не содержат ничего нового в сравнении с воспоминаниями других лиц. Несмотря на энергичные уговоры Пыпина, дело не двигалось с места.

«Отказаться от них (заметок Гончарова) мне жаль, — конечно, всего больше за Белинского — я к нему привязан долгими занятиями и жалею, что о нем останется несказанным хорошее слово», — писал Пыпин Гончарову 29 апреля 1875 г.

«Что касается до меня, — отвечал Гончаров 1 мая 1875 г., — то я пожалею, пожалею, да потом и забуду. А пожалею о том, собственно, что я, в свою очередь, наравне с другими, более или менее близко знавшими Белинского, не скажу и своего живого и доброго слова об этой замечательной и симпатичной личности и не расквитаюсь, таким образом, благодарным воспоминанием за его многие, добрые и живые слова, сказанные им, и изустно, и печатно, обо мне».

«Поддавшись нерешительности, Вы, право, возьмете на себя грех против памяти одного из лучших людей всей русской литературы», — продолжал свои уговоры Пыпин 9 мая 1875 г.

Гончарову представлялись по крайней мере три возможности опубликовать свои заметки. Во-первых, в работе Пыпина, печатавшейся в «Вестнике Европы», во-вторых, самостоятельной статьей в том же журнале и, наконец,— в отдельном издании книги Пыпина 1876 г. Ни одной из этих возможностей он так и не воспользовался.

В 1875 г. Гончаров читал свою статью о Белинском М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову. По словам Гончарова, Некрасов «находил ее очень ж и в о ю и в е р н о ю, но только несколько д л и н н о ю», и предложил напечатать в подготовлявшемся альманахе Литературного фонда. Но и это предложение тоже не осуществилось ³.

В 1876 г. Гончаров оставил свои заметки «втуне», сомневаясь, что у него «достанет охоты и терпения» привести их в настоящий вид. Но через пять лет, в 1881 г., он поместил их в своей книге «Четыре очерка» под заглавием «Заметки о личности Белинского».

Публикуемые нами два мемуарных, по своему содержанию, письма Гончарова дополняют его воспоминания о Белинском.

Первое письмо — к К. Д. Кавелину. Оно написано по поводу воспоминаний последнего о Белинском. В марте 1874 г. Гончаров присутствовал при чтении этих воспоминаний автором на вечере у М. М. Стасюлевича 4. В них Кавелин, наряду с высокой оценкой общественного значения личности Белинского, пренебрежительно и высокомерно говорил о якобы недостаточном уровне образованности и объеме знаний великого критика. Гончаров, придерживавшийся противоположного взгляда, высказал свое несогласие с точкой зрения Кавелина в большом письме к нему от 25 марта 1874 г., которое мы и публикуем. Письмо это легло, местами почти дословно, в основу последних страниц окончательной редакции очерка Гончарова «Заметки о личности Белинского».

Легенда о Белинском как «недоучившемся студенте» довольно прочно закрепилась в реакционной журналистике 1830—40-х годов и была широко использована идейными противниками великого критика (Булгариным, Сенковским, Шевыревым, Погодиным и др.). Об этом вспоминал Некрасов в стихотворении 1855 г. «В. Г. Белинский», говоря о его исключении из университета:

И оставался целый век Недоучившимся студентом (Один ученый человек Колол его неоднократно Таким прозванием печатно...)⁵

Этот ложный взгляд нашел, как известно, свое выражение и в оценках Белинского, принадлежащих его бывшим друзьям из либерального лагеря — Анненкову, Тургеневу, Кавелину, Боткину. Именно к ним относятся слова Плеханова, выразившего в свое время удивление: «Почему большинство людей, писавших свои воспоминания» о Белинском, «обнаруживают так мало истинного понимания совершавшейся в его голове колоссальной умственной работы» В заслугу А. Н. Пыпину следует поставить, что в своей монографии он не принял этого ложного взгляда, а обосновал и развил противостоящую ему точку зрения Гончарова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основу этой статьи Гончаров положил черновик своего предисловия к «Обрыву», датированный ноябрем 1869 г.

² Девять неопубликованных писем Гончарова к Пыпину и четыре приложенных к ним черновика ответов Пыпина хранятся в архиве последнего (ИРЛИ АН СССР). Мы цитируем из них наиболее интересные места.

³ См. письма Гончарова к Пыпину от 29 апреля и 15 мая 1875 г.

⁴ Воспоминания Кавелина, датированные 6 февраля 1874 г., впервые опубликованы в Собр. соч. Кавелина (СПб., <1899), т. III, стб. 1081—1098). А. Н. Пыпин использовал их в биографии Белинского (СПб., 1876, т. I, стр. 140—142; т. II, стр. 202—211, 331—332). Ср. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 84—97.

б Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, М., Гослитиздат, 1948, т. I, стр. 142.

⁶ Г. В. Плеханов. Собр. соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 220.

1. ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА — К. Д. КАВЕЛИНУ

25 марта 1874 г. С.-Петербург Моховая, дом № 3

Многоуважаемый Константин Дмитрич!

То, что Вы прочитали нам у М(ихаила) М(атвеевича)¹ о Белинском, сделало на меня в целом самое благоприятное впечатление, разделенное, конечно, всеми слушателями: так много хорошего и так хорошо сказали Вы, что Ваши замечания сами по себе составляют миниатюрную характеристику известных периодов в жизни этой замечательной личности.

БЕЛИНСКИЙ Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г. Собрание художника, Пенза

Все, что сообщаем мы, близко знавшие и любившие Белинского, его биографу, А. Н. П (ыпину), имеет один общий недостаток, или, пожалуй, достоинство: мы пишем панегирики. Но иначе, я полагаю, и быть не может. Сам Б (елинский) относился к одним людям симпатично, иногда до слабости, до пристрастия, даже нередко в ущерб некоторым своим взглядам на то или другое, — к другим, напротив, антипатично, и тоже до крайности. Точно так же все относятся, даже и до сих пор, и к нему: одни — крайне симпатично, как будто умышленно закрывая глаза на его слабые стороны. Другие же (я говорю про его современников) отзываются о нем враждебно, тоже закрывая глаза на его достоинства. Средины ни у тех, ни у других нет, как не было ее и у Белинского в его отношениях к людям, и не к одним, впрочем, людям. Может быть, еще и не наступило время для этой «средины», не устоялась ни вражда, ни привязанность к нему до той степени хладнокровия, которое необходимо для правого суда и оценки.

Все мы, знавшие его, конечно, принадлежим к первой категории — и в наших отзывах платим ему горячею защитою его против враждебной ему стороны за его горячие пристрастия к друзьям — и немудрено, что впадаем в пристрастие. Вы не избегли этого и являетесь панегиристом, оставаясь при том верны Вашим наблюдениям и заметкам о нем.

Но между тем у Вас проскользнуло одно замечание, которое задело мое внимание ² — и я хотел поговорить с Вами, даже написать Вам, не для того, чтобы полемизировать с Вами, хоть это само по себе большое удовольствие для меня, а чтобы постараться уяснить этот пункт в характеристике Белинского, с Вашею помощью и с помощью других, более близких к нему, нежели я — и установиться на чем-нибудь прочном и определенном. Это необходимо всего более для биографа. Я говорил об этом с А. Н. П (ыпиным) — и он утверждает меня в мысли поговорить с Вами, даже письменно, чтобы затронуть этот вопрос — и потом, что окажется, сообщить ему.

Вопрос этот довольно важный: именно, об образованности или необразованности, или вернее, об учености и неучености Белинского. Я не помню в точности редакции Вашего отзыва об этом пункте, но помню только, что и Вы упоминаете о недостатке подготовки, или знания, или учености у Б(елинского). У Вас это приводится, как простое свидетельство, в руках же противников его, как Вам известно, это был упрек, которым они, как Архимедовым рычагом, старались столкнуть его с места, и стараются даже до сих пор (недавно, кажется, Погодин) 3. Мне кажется, если это мнение, приведенное у Вас, например, с Вашим авторитетом, повторится еще раздругой, в виде ли простого показания, как у Вас — с примесью даже сожаления о недостатке «учености» у Б\(enunckoro\), у некоторых других, то противники его уже смело составят Б\(e)линскому\() репутацию «неуча», «недоучки» и т. д. — и с этим паспортом передадут его внукам нашего поколения. А враги его, особенно в свое время, не скупились на эти клички: журналисты, профессоры, разные ученые по профессии, с патентами, дипломами и проч.

Всем этим я хочу сказать, что отзывы о «неучености» Б\eлuнского\ должны быть также строго обусловлены и определены, как и нравственная

сторона его характера.

Сколько я наблюдал его (не надо забывать, что я знал его в конце его поприща, года за два или за три до кончины), - я нередко удивлялся голословным отзывам о его неучености, недостатке подготовки. Может быть, в начале своей деятельности, он, по застенчивости и нервозности характера, полнотой еще неполной зрелости (которая, как Вы приводите его слова, позднее приготовила его для философии) 4, или, наконец, потому, что он не заглянул еще в ту или другую область знания — он и казался недостаточно подготовленным. Но когда я знал его — и видел, рядом с тогдашними передовыми, самыми образованными и, наконеп, учеными (и официальными и неофициальными) людьми, и в изустных беседах, и в журнальных схватках, и, наконец, в непрестанном и бесконечно-плодовитом развитии на каждом шагу его идей, взглядов, убеждений — я видел массу знаний: и фактических положительных сведений, по части множества даже посторонних его деятельности предметов, а понятий, идей — решительно обо всем, что только входит в круг знания. Часто он не знал, но как-то непостижимо для простого наблюдателя постигал самые процессы какогонибудь специального дела.

«Не учен», «не приготовлен» — слышал я и удивлялся. Как — не учен и для чего не подготовлен: чтоб быть профессором, академиком? Читать публичные лекции? Или излагать по тому или другому методу, по той или другой системе, ту или другую науку, писать трактат? Конечно — не приготовлен для этого. Профессия ученого была не его профессия: да он ни-

когда и не брал ее на себя. Отчего же его называют неученым, а массу других, у которых сотой доли не было его знаний (не говоря о развитии, об идеях, понятиях), никто и не трогает и не говорит об их образовании?

А если б он был и учен по-ихнему, как они, его противники, офиц (иальные) ученые и другие, годился ли бы он для ученой деятельности, на кафедре или в сочинениях, т. е. мог ли бы спокойно относиться к науке, углубляться, зарываться в архивах, обдумывать, соображать, строить систему и т. п.? Конечно, нет. Не усидел бы он ни в академии, ни на кафедре, ни даже у себя в кабинете, если бы туда не врывалась к нему свежая струя текущей жизни и шумная толпа симпатичных ему людей. Он жил учась, за пером и в живых схватках с противниками, или разливаясь в импровизациях и печатно и изустно,— и туда уходили его силы.

Следовательно, говоря о его знаниях, необходимо обусловливать в точности: какой учености недоставало ему — и за этим ставить вопрос: «довольно ли было у него подготовки для той роли, какая выпала ему на долю?», т. е. для роли не эстетического критика собственно, не для публициста только, а для того и другого вместе, и еще для чего-то третьего тогда, чего-то в роде трибуна.

Разбирая строго, ведь и от Гумбольдта, от Гете или Вольтера — и от прочих можно пожелать большей подготовки, нежели какую они имели. Следовательно, от Белинского можно пожелать ее и подавно. Но тут опять надо спросить — отвечалали эта степень подготовки эпохе и моменту его деятельности и его среде и много ли он сделал для своего времении современного ему поколения? И вот только в совокупности на все эти вопросы и следует и можно давать по возможности покойный, т. е. отрешенный и от вражды и от пристрастия к нему, ответ.

Сначала надо спрашивать, что сделал Б (елинский), потом уже, пожалуй, как он сделал?

Тут же кстати можно бы спросить, много ли сделали те «ученые», которые громили его за неученость, и назвать их по именам?

Вы помните, Конст (антин) Дмитр (иевич), как искренен и нехвастлив был Белинский. С посторонним, мало знакомым лицом,— он почти совсем не говорил или говорил мало, несвязно и, конечно, не блистал ни умом, ни знанием. Только с близкими, он распоясывался, так сказать, не остерегался ошибок и давал волю всем своим силам. И вот, в таких именно импровизациях, спорах, против воли, как-то ненарочно и нечаянно, он обнаруживал массу сведений, которых нельзя было подозревать в нем, если бы речь прямо зашла об них. Но он ронял и сыпал их нечаянно, как часто нечаянно в печатных статьях сверкал остроумием, удачными сравнениями, ссылками на те или другие авторитеты и т. д. Следовательно, знания, собранные им медленно, иногда по клочкам, служили его прямой цели, его делу, т. е. его перу. Он не держал на ученой конюшне оседланного, готового коня, с серебряной сбруей, не выезжал в цирк показывать езду haute école*, а ловил из табуна любую лошадь и мчался куда нужно, перескакавши ученых коней. Это ему и было нужно, и строгая, глубокая или систематическая ученость сделала бы из него, конечно, другую, все крупную же фигуру, но не такую, может быть, какая нужна была именно для той публики и для того момента, когда пришлось ему действовать, как партизану. И выходит, что он «неученый», потому что не окончил курса, не получил патента. А вот нас, сотни полторы, в одно время с ним было в университете, — никто не называет неучеными, а из нас ученый вышел, кажется, один Бодянский ⁵. А прочие — так себе, ничего. Но нас пеучами

^{*} Высшей школы (фр.).

не разумеют, потому что у нас есть патент. А много ли мы сделали? Например, называют ученым Строева (Скромненко) 6, Станкевича, юношу, только подававшего еще надежды,— и что же сделали все современники Белинского сравнительно с ним?

Ученостью могли подавлять его, например, Герцен: это так. Но ведь и он не ученостью сделал все в литературе и жизни, что сделал, хотя ученость или лучше всестороннее образование было только подспорьем его таланту и блестящему остроумию. Вот Сенковский был и настоящий ученый: и тот, если произвел какое-нибудь движение (новизны, некоторой смелости), то ведь тоже не ученостью, а кое-каким талантом. А ведь и Греч, и Булгарин обзывали Б (елинского) неученым: хороши ученые!

Но Белинский никогда не влезал в кожу Хлестакова и никогда не сказал — «знаю то или другое», даже когда и знал что-нибудь. И эта искренность и скромность принималась за незнание. Тогда как кругом его никто, я думаю, ни один не отрешался от самолюбия, чтобы сознаться в неведе-

нии чего-нибудь.

Общество кишело невеждами, всезнайками около него. Сколько академиков, профессоров, литераторов притворялись и притворяется ежедневно классиками, знатоками древних и новых языков, химиками, математиками и т. д. и т. д.!

Он — никогда, а посмотришь, знает или имеет понятие, наконец, ж ивое и верное представление о предмете. Я помню, в спорах, бывало, вдруг окажется, что он имеет довольно основательные понятия о небесной механике или, вдруг, в разговоре с медиком, откуда-то являются у него сведения о некоторых процессах химических, или заговорит о физиологических функциях (в то время, когда < hрзб > книг и публичных лекций не было). Сами Вы сказали в Вашей статье, что он верно определил некоторые положения Гегеля — вперед и т. д. 7

Как назовешь такого человека «неученым» без строгой оговорки, не обусловив этого приговора множеством разных определений и отношений— времени, среды, роли, не сравнив со всем прочим и прочими? Вспомним то, что мы все, учившиеся в университетах, получаем там только, так сказать, напутственную программу для учения и развития, но программу более или менее правильную, систематическую, полную, чем так и дорого университетское образование, которое охотнику учиться помогает только не сбиваться с прямой дороги, не терять нити, а которая сама не учит.

А собственно, как еще все кандидаты прав, математики etc — далеки от учености! И сколько их, бросив эту нить и вообразив, что они с наукой кончили, гуляют по белу свету без всякого клейма науки, которое стирается бесследно. Или же, напротив, сама жизнь для таких умов, как Б(елинский), становится настоящей школой и академией. А у него еще была и академия в его деятельности, открывшаяся ему со школьной скамьи: это редакционная работа и непрестанное чтение десятки лет — и серьезного, путного, и хламу.

Следовательно, забыть ничего было нельзя, а набрать и усвоить своему уму (Белинского) в океане книг, журналов, во встречах с лучшими людьми, умами — можно было много.

Извините, Константин Дмитрич, что я пишу это беспорядочное письмо. Непростительно его отдавать Вам и я бы не отдал, еслиб только дело шло о желании моем поговорить с Вами. Можно ведь и не поговорить: Вы бы ничего от этого не потеряли, а я не писал бы этих страниц. Но я думаю, что в этом вопросе, касающемся Белинского, есть неясность, и что эту неясность, гораздо лучше меня, проясните Вы, с помощью некоторых других. А такое прояснение Ваше послужит А. Н. Пыпину и поможет оговорить или обусловить и в самой биографии Белинского вопрос неучености

последнего так, что следующие поколения будут знать, на сколько он был выше в этом отношении множества современных ему присяжных ученых, умея служить к л о ч к а м и учености живому делу, тогда как их «ученость» лежала мертвым капиталом.

Мне кажется, мы с Вами оба правы: Вы, находя также пробелы в подготовке Белинского, а я, не находя почти никаких, именно по той причине, о которой я упомянул выше: Вы знали его в начале, а я в конце его деятельности ⁸.

При Вас он расцветал, при мне разрушался — пережив даже пору зрелости. Следовательно, мы, относительно степени подготовки, видели

И. А. ГОНЧАРОВ Фотография 1850-х гг. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

почти двух разных людей, и между той или другой порой — большой промежуток и большая разница, хотя мне кажется, что в последний период его деятельности в нем уже печатно и заметно проявляется и начитанность и некоторая уверенность в достаточности своей подготовки.

О недостатках Белинского, я знаю, будет большая речь впереди. Ему не простят так же снисходительно, как прощаем мы, его почитатели, пристрастие его к друзьям, где у него строгость сознания и суда уступала сердцу (он хвалил преувеличенно Панаева, Брянского и почти всех, кто был ему близок), ибо мы знаем, что это были уступки, мягкость сердца, и что других уступок он не сделал бы за миллионы — и подкупить или обмануть его можно было только симпатией: более ничем он не подкупался.

Если уже этой слабости нельзя скрыть (и не надо) или защищать от следующих поколений, то нужно, по крайней мере, нам не давать его в обиду там, где он гораздо меньше виноват своих quasi-ученых противников, и стараться прояснить всякие по этому поводу недоразумения, чтобы после

не было поздно, когда нас не будет, и чтобы кличка неуча не осталась

Простите и примите мой глубокий поклон с уважением

И. Гончаров

Р. S. Письмо это, как и все, что написано и отдано мною А. Н. Пыпину о Белинском, — отнюдь для печати целиком не предназначается. А если бы оказалось нужным, можно приводить цитаты или давать ссылки и т. п.

И. Гончаров

Копия, переданная К. Д. Кавелиным А. Н. Пыпину. ИРЛИ АН СССР. Архив А. Н. Пыпина.

¹ Михаил Матвеевич С т а с ю л е в и ч (1826—1911) — редактор-издатель «Вестника Европы». Гончаров был с ним довольно близок и напечатал в его журнале: «Обрыв», «Миллион терваний», «Из университетских воспоминаний», «Воспоминания и очерки», «На родине» и «Нарушение воли» (см. переписку Гончарова со Стасюлевичем — «Стасюлевич и его современники», СПб., 1911, т. IV).

² Очевидно, Гончаров имеет в виду следующие слова Кавелина: «...представьте же себе рядом с Грановским Белинского, страстного, нервного, вечно переходившего из одной крайности в другую, необузданного и мало образованного», и его дальнейшие неверные сообщения о незнании Белинским иностранных языков (Собр. соч. К. Д. Ка-

велина, СПб., [1899], т. III, стб. 1097—1098).

³ М. П. Погодин в статье «К характеристике Белинского» («Гражданин», 1873, № 9, стр. 272—275) говорит о «поверхностности» Белинского и «отсутствии у него своего мнения», но не об его «необразованности».

4 Кавелин цитировал слова Белинского, относящиеся к 1842—1844 гг.: «Философия молодому уму не дается, а дается зрелому возрасту. Теперь я, — прибавлял он, — только созрел достаточно для занятия философией» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1098).

⁵ Осип Максимович Бодянский. См. о нем в настоящем томе, стр. 424—425.

6 Сергей Михайлович С т р о е в. См. о нем в настоящем томе, стр. 435.
7 Кавелин привел свидетельство Герцена о том, что «Белинский не знал по-немецки и, только из отрывочных разговоров друзей познакомившись с системой Гегеля, тотчас же сообразил в чем дело и суть его, и - сам, без чьей-либо помощи, вывел все последствия из Гегельянской философии, которые выведены из нее позднее либеральной и радикальной фракцией гегелевских последователей» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1097).

⁸ Здесь Гончаров допускает явную неточность, объясняющуюся стремлением его сгладить полемический характер письма. Кавелин пишет о недостатке образования у Белинского не только в 1834 г., но и вообще: «Мы знали, что сведения его (кроме русской литературы и ее истории) были не очень-то густы» (Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. III, стб. 1086). В цитации Пыпина слова «не очень-то густы» заменены словом: «недостаточны» (СПб., 1876, т. II, стр. 203).

9 Иван Иванович II а н а е в (1812—1862). Об отношении Белинского к творчеству

Панаева см. в его отзывах о повестях последнего (IV, 277; V, 251—252; VIII, 23 и др.).

В своих «Заметках о личности Белинского» Гончаров вспоминал: «Он хвалил повести Панаева, и однажды только как-то нехотя, почти шопотом, сказал мне уныло: "творчества у него ни капли нет"» (Полн. собр. соч. И. А. Гончарова, т. XI. СПб., 1899, стр. 178).

Яков Григорьевич Брянский (1790—1853)— известный артист, отец А. Я. Панаевой-Головачевой. Белинский хвалил его игру в своих обзорах «Александринский

театр» (IV, 398—399 и 447).

2. ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА — А. Н. ПЫПИНУ

«Петербург.» 10 мая 1874 г.

Я получил через Мих (аила) Матв (еевича) отдельный оттиск ІІ-й главы биографии Белинского, подзаглавием Университетская ж и з н ь 1, и, пробегая эту главу, вспомнил Ваше желание, многоуважаемый Александр Николаевич, чтобы все современники, и вообще знавшие лично Белинского, сообщали Вам о нем или о его времени свои замечания. Вследствие этого, я отметил кое-какие, впрочем мелкие, неточности, о которых, однако, считаю не лишним сообщить Вам, на случай, если б Вы захотели принять их в соображение при отдельном издании биографии.

Конечно, Вы дорожите более всего верностью,— а в серьсзном и строгом труде, как Ваш, было бы жаль видеть искажение даже пустых иногда деталей. Но ведь детали тут есть не что иное, как мелкие штрихи того же большого рисунка эпохи, которую Вы изображаете.

Я, кажется, говорил Вам, что я вступил в университет в 1831-м году (тотчас после холерного года) на первый курс, но ни Белинского, ни Герцена, ни Чистякова там никогда не видал, хотя, как вижу из Вашей биографии, Белинский и прочие были еще там 2. Этому — простая причина та, что эти господа были вероятно на втором курсе, а я вступил в первый, называвшийся тогда приуготовительны м. Курс былтри года: у нас, т. е. у первого курса, аудитория была небольшая, обращенная окнами на малый двор [во двор], откуда, сбоку, в углу — был и вход в нее. Аудитория же второго и третьего курсов была огромная зала в бельэтаже, окнами и входом обращенная на большой двор и улицу. Таким образом, студенты 1-го не сходились никогда с студентами 2-го и 3-го курсов. От этого я, перейдя в 1832 году на второй курс, не застал там ни Белинского, ни Герцена, ни Чистякова, но застал, однако, Станкевича, Ефремова, Строева, Аксакова (Конст<антина>) — и теперь не помню, кончил ли с ними вместе курс или они вышли годом раньше меня. Но с нами их на первом курсене было, а были там Бодянский. Лермонтов (не перешедший на второй курс, а уехавший в Петербург) и т. д. 3

Во всем том, что я Вам здесь сообщаю, о Белинском нет ничего, потому что я не только не видал его, но и не слыхал о нем в Москве ничего до приезда в Петербург. Но, как я выше сказал, я полагаю, что Вы дорожите верностью и мелочей, относящихся вообще до той эпохи, и потому скажу, что заметил — и что мне кажется неверно.

Неточности или неверности эти, впрочем, касаются больше анекдотической стороны в характеристике некоторых профессоров, особенно Победсносцева, и потому упомяну о них после всего. А теперь замечу по поводу оценки лекций Надеждина, что его никак нельзя упрекнуть в безучастии к собственному предмету, в сухости слов, и в недостатке серьезных занятий, как сказано в биографии 4.

Сухость неизбежна во всяком предмете, где есть какаянибудь догматика: конечно, ее меньше, нежели где-нибудь, в Теории изящных искусств и археологии,— но в последней нельзя было избежать сухости в истории египетских, римских и прочих древностей, в истории школ искусств — наконец, в философском воззрении на искусство и проч. и проч.

И в этом во всем, т. е. в неизбежной сухости, сквозило почти никогда не остывавшее собственное постоянное увлечение профессора к предмету, поддерживавшее и постоянное увлечение в слушателях. Надеждину можно сделать другой упрек: не в недостатке серьезных занятий, как сказано в биографии. Занятия у него были: одна эта кафедра требовала постоянных занятий и огромной подготовки, — и она у него была, серьезная и глубокая. Это был строгий и основательный ученый по части гуманитарных наук. Древние языки и вообще древность дались ему в духовной академии и были подкладкою всего того, что потом нужно было приобрести ему по изучению новейших языков и литературы, философии и т. п. Все это тогда было серьезными занятиями — особенно при кафедре. Он потом, говорят, пристрастился к светской рассеянной жизни, но связь с университетом и издание журналов и сношения с ученым кругом того времени не давало ему опуститься и заглохнуть совсем. А упрекать его можно было в том, в чем он почти не был виноват, именно: он читал и всегда с увлечением, например, о скульптуре, архитектуре у древних, о школах живописи, о знаменитых произведениях всех трех искусств, — с а м

никогда не видав ни одного здания, ни одной знаменитой статуи, ни одной порядочной картины. Сколько помню, он, до профессуры своей, едва либыл даже в Петербурге и, следоват (ельно), не видал музеев. Отсутствие живого, личного впечатления, наглядности было заметно в его лекциях — и это могло быть принято за сухость. Он прочитал и изучил все, что есть у других по этой части и передавал это всегда с увлечением,— но и сам должен был довольствоваться тем, что воображением создавал идеалы знаменитых произведений и предлагал их слушателям. А слушатели, большей частию, и в произведениях слова должны были полагаться на слова профессора, вооружаться готовым анализом и критикою на произведения, о которых имели понятие понаслышке.

Например, тот же Надеждин, потом Шевырев и Давыдов — да еще Ивашковский со Снегиревым в пять труб трубили и о Гомере, о Гезиоде (а Шевырев даже о Саади, Гафице— и об индийских поэмах и очень пространно), о Горации, потом о Данте, Виргилии (даже Камоэнсе) и т. д., до Хераскова включительно. Между тем из 150 студентов сто двадцать наверное ничего этого не читали. Одни по молодости и ветренности, другим негде было взять, третьи не могли прочесть не только в подлинниках, но и во франц (узском) или немецк (ом) переводах. А все более или менее уж судили и рядили, что именно в Гомере прекрасно и что в Тассе не прекрасно, и делали заключения о той или другой эпохе, литературе и т. д. Те немногие, кто хотел заниматься, конечно, тогда уж старались ознакомиться с тем, чего не знали, а другие прошли мимо, не заботясь о многом. Иное, когда уж юноши посозрели — и вкусили, кто Вальтер-Скотта, кто Жорж-Занд и т. п., потом и в горло не пошло. После же Пушкина отослали к чорту всякого Гезиода и Горация. Я помню, что я (я много читал еще с детства и по-русски и по-франц (узски), а позднее по-немецки, поанглийски) все хотел добыть поэму Камоэнса («Лузиаду»)— и не добыл, а в Петербурге, когда было возможно, никак не мог одолеть, — и до сих пор не знаю, что там такое. Об истории и философии — еще хуже. Книг по этим предметам вовсе не было — немногие были запрещены.

Вот в чем был главный недостаток Надеждина — это недостаток в личном, так сказать, знакомстве с знаменитыми произведениями пластических искусств, о которых он подробно читал.

Зато как богато вознаграждался этот недостаток в истории и анализе литератур, русской и иностранных. Здесь два профессора наперерыв Шевырев и Надеждин, — как справедливо сказано у Вас в биографии и как засвидетельствуют, конечно, все тогдашние студенты, - оказали громадное и благодетельное влияние на всех юношей, — и это влияние ярче всего отразилось на Белинском. Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда только еще начинали переставать читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот ко не ц, но, конечно, с появлением Пушкина, скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности франц (узской) школы (я говорю об искусстве), которой Карамзин был представителем. Но тем не менее, моральное влияние Карамзина было огромно и благодетельно на все юношество, затем началось влияние Пушкина, - а потом мы, студенты, обязаны уж Пушкину, а потом этим вышесказанным профессорам — и отчасти Давыдову, который впрочем оказывал услугу только тем, что знакомил нас так же (как и те двое) с историею философии — в кратких, сжатых очерках. Что касается собственно до Теории словесности И Истории литературы (его кафедра), то никакой теории у него, конечно, не вышло (так как ее не существует); помню только, что он все ссылался на Баттё и Блэра 5 и разводил глубокомысленно руками. Дар слова у него был скудный: вот

он был действительно безучастен и холоден к своему предмету — и сух, крайне сух. Но зато величав, церемонен и педантлив.

Все трое еще приносили пользу тем, что читали не по готовым тетрадям, а наизусть. Давы дов задавал даже двоим студентам по очереди составлять из каждой его лекции так назыв (аемый) перечень, т. е. написать и обработать ее, а у Надеждина и Шевырева (у Каченовского тоже) неизбежно было записывать, когда они читали: иначе не по чем было готовиться к экзаменам и вообще следить за лекциями. Этот способ записывать чрезвычайно помогал свыкаться с изложением и практически учил хорошему русскому языку. Тогда как в юридическом

ДОМ № 12 В ВОРОТНИКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ГДЕ ЖИЛ П. В. НАЩОКИН. ЗДЕСЬ У НЕГО ЧАСТО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ И В 1836 г. ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ПУШКИН
Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

факультете все профессора давали студентам готовые лекции — и оттого там лучшие студенты были те, у кого память была хороша — и случалось так, что выпущенные оттуда кандидаты иногда на письме плохо ладили с грамматикой.

Оба первые, т. е. Надеждин и Шевырев, первый в горячей, всегда вдохновенной речи, второй — в методическом, искусном, обдуманном изложении, — оба твердили об идеалах красоты, изящества, правды, добра, совершенства и т. д. — оба держали юношество на известной высоте умственного и нравственного настроения. Это главная их заслуга, как Станкевич это оригинально выразил (у Вас в биографии Белинского) 6. Потом оба, а с Давыдовым и все трое, пожалуй — первые нарушили рутинный ход официальной критики и внесли в последнюю разум, свежесть, чистый воздух, простоту и т. д.

До тех пор в училищах, а потом на первом курсе, у Победоносцева — всех классиков ставили в одну шеренгу — с Гомера до Хераскова и читали им нечто вроде литературного надгробного похвального слова.

Все это, конечно, ниспровергнуто новыми профессорами, после Мерзлякова, которого кафедра только что закрылась в 1830 году. Гомер остался на своем месте с Дантом и Шекспиром, с Тасса отчасти сбили венок, а Хераскова отправили с Клопштоком и с кое-кем еще на литературный чердак. Имя Пушкина, которого запрещали в школах, засияло первой звездой на кафедре и т. д. Словом, совершился критический поворот, явилась новая школа, во главе которой и стал Надеждин, Полевой, а после Белинский 7.

Все, что следует за тем, у Вас сказано и вы знаете все лучше меня. Я только по поводу Надеждина и Шевырева хотел высказать свое о них воспоминание, в дополнение к сказанному в Б и о г р а ф и и.

Теперь обращаюсь к анекдотам о профессорах и т. п.

На стр. 607 Биографии Белинского говорится, что студенты встречали Победонос цева вечером с пением: се жених грядет в полунощи. Этобыло, но отнюдь не с Победонос цевым, а с Гавриловым, профессором славянского языка 8. Победонос цевым, а с Гавриловым, профессором славянского языка 8. Победонос цев по вечерам никогда не читал лекций. Я не застал его: кафедру эту закрыли, но студенты, по свежему преданию, рассказывали мне, что они неоднократно встречали его таким образом, т. е. славянскою песнию. Он был тоже чудак: не любил, например, чтоб на его лекции приходили студенты других факультетов — и когда это случалось — студенты ему скажут: «чужак есть!» — «Где, где?» — он вскакивал с кафедры и выгонял вон.

Потом, на той же 607 стр. приводится, что будто едва ли не на каждой лекции Победоносцева раздавался свист.

Это положительно неправда. Это случилось всего один раз: я был тут и помню, как будто вчера случилось. Было тихо — вдруг за дверями аудитории раздается тихий свист на голос: Милый друг, сердечный друг. Профессор остановился в изумлении, и мы все были озадачены (из этого видно, что это было в первый раз). «Господа, это недостойно, — сказал Победоносцев, — я на вашем месте сам выгнал бы такого товарища из аудитории!». Мы все закричали, что это не в аудитории, а за дверями, в коридоре. Профессор зазвонил в колокольчик и закричал: «сторожа!» Бросились за сторожем, но его не было. Наконец, минут через пять прибегает маленький старенький сторож (как теперь его помню) в поношенном до белых ниток синем форменном сюртуке. «Кто свистал в коридоре?» — спрашивает Победоносцев. «Не могу знать, Ваше высокор одие »». «Как не можешь знать — ты тут был!» «Никак нет, Ваше высокородие — я отлучился помочиться!»...

Взрыв хохота, рукоплесканий — словом невообразимое ликованье охватило всю аудиторию при этих последних словах. «Господа! Господа!» пытался умилостивить профессор слушателей, но не мог, и лекция кончилась под этим впечатлением. После того ни разу это не повторилось, да и не могло: аудитория была мала и видно бы было сейчас, кто свищет, а сторож, конечно, смотрел в оба.

Петр Вас (ильевич) Победоносцев не был ни грубоват, ни злопамятен, как у Вас выходит в биографии. Это был кроткий, благодушный человек, но старого века. Сам он страх как боялся начальства, чтил его беспрекословно, и когда, бывало, входил в аудиторию ректор Двигубский, такой же профессор, как и он 9 — Победоносцев стоял перед ним, как солдат перед генералом, руки по швам, с робостью в голосе. И сам требовал себе почтения от студентов, как должного. Студенты отвечали профессорам сидя (тогда это стало уже входить), но он этого не терпел. И только тогда (помню даже имя студента Цвецинского) скажет: «встань, братец, встань!» А обыкновенно он из Вы не выходил в обращениях к студентам.

Поэтому я никак не могу допустить, чтобы он способствовал удалению Белинского из университета за слова: «сидишь точно на шиле»¹⁰. Не в характере это было такого человека: помню, что при начале второго курса, когда нас собрали всех в ту же аудиторию, Победоносцев пришел объявить нам, кого перевели на второй курс, кого нет. Между прочим, не перевели одного студента Иванова. Вдруг этот Иванов при всех нас залился слезами. Победоносцев был и озадачен и тронут. У него упал голос, и он с добротой стал утешать Иванова.

Нет, – я поручусь, что он не повинен в удалении Белинского.

На стр. 621— в выноске 2-й у Вас замечено, что «нехождение на лекции и неудовлетворительные экзамены были небольшой бедой для студентов и что один студент пробыл в университете 9 лет».

Это было так до 1831 года, до моего вступления, но с тех пор стало строго. Некоторые профессора завели даже перекличку, и у кого накапливалось известное число abs/ens), то это имело влияние на перевод из курса в курс и на выпуск. Был и в нашем словесном факультете такой студент Аршеневский, который пробыл 9 лет, но когда я перешел на второй курс и когда начались строгости — его не стало¹¹.

Вот все, что я заметил во II главе Биографии — и рад буду, если чтонибудь пригодится в моих летучих заметках.

Искренно Вам преданный

И. Гончаров

10 мая 1874

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Архив А. Н. Пыпина.

 ^{1} О Стасюлевиче см. прим. 1 к предыдущему письму. 2-я глава биографии Белинского была напечатана в «Вестнике Европы», 1874, № 4, стр. 602—629.

² Белинский и Герцен поступили в университет осенью 1829 г. Белинский был исключен из университета 27 сентября 1832 г., а Герцен окончил университет летом 1833 г. М. Б. Чистяков (см. о нем в наст. томе, стр. 436) окончил университет в 1833 г.

³ Н. В. Станкевич, А. П. Ефремов, С. М. Строев, О. М. Бодянский окончили курс в 1834 г., т. е. одновременно с Гончаровым. К. С. Аксаков окончил в 1835 г.

Лермонтов поступил в университет в 1830 г., а вышел из него в 1832 г.

⁴ Н. И. Надеждин читал в университете с января 1832 г. теорию изящных искусств и археологию. Пыпин цитирует воспоминания о нем К. С. Аксакова: «Надеждин не удовлетворил серьезным требованиям юношей: скоро заметили сухость его слов, собственное безучастие к предмету и недостаток серьезных знаний» (изд. 1876 г., стр. 67). В своих «Университетских воспоминаниях» Гончаров пишет о Н. И. Надеждине: «Это был человек с многостороннею, всем известною ученостью по части философии, филологии» (Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 27—28).

5 Шарль Батте (1713—1780) — французский теоретик искусства. Гуг Блэр

(1718—1800)— автор двухтомного курса риторики и изящной словесности.

6 Имеется в виду цитата Пыпина из воспоминаний К. С. Аксакова: «Помню, что Станкевич, говоря о недостатках Надеждина, прибавлял, что Надеждин много пробудил в нем своими лекциями, и что если он (Станкевич) будет в раю, то Надеждину за то обязан» (изд. 1876 г., т. І, стр. 68).
 7 Надеждин, Полевой и Белинский представляются Гончаровым лишь как против-

Надеждин, Полевой и Белинский представляются Гончаровым лишь как противники литературного классицизма. Он рассматривает их только с точки зрения того, что их объединяет, не касаясь глубоких принципиальных различий их мировоззрений.

⁸ Александр Матвеевич Гаврилов (1795—1867)—адъюнкт по кафедре славянского языка, теории изящных искусств, археологии и словесности. Это замечание Гончарова Пыпин использовал в издании 1876 г. в сноске на стр. 63.

Уван Алексеевич Двигубский (1771—1839)—ботаник, ректор университета

в 1826—1833 гг.

¹⁰ Здесь Гончаров имеет в виду цитированный Пыпиным отрывок из воспоминаний П. Прозорова: «Победоносцев, в самом азарте объяснения хрий, вдруг остановился и, обратившись к Белинскому, сказал: "Что ты, Белинский, сидишь так беспокойно, как будто на шиле, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мне последние слова, на чем я остановился?"—"Вы остановились на словах, что я сижу на шиле",—отвечал спокойно и не задумавшись Белинский... Горько потом пришлось Белинскому за его убийственно-едкий ответ» (изд. 1876 г., т. І, стр. 65). В издании 1876 г. (т. І, в сноске на стр. 65) Пыпин, со слов Гончарова («нам замечали»), упомянул о добродущии Победоносцева.

11 В изд. 1876 г. (т. І, стр. 71) Пыпин внес изменение в эту «выноску».